

происхождения в ландшафтной лексике чучковского говора Сокольского района Вологодской области нами пока не обнаружены.

Литература

Бурко Н.В. Наименования возвышенностей по форме (на материале орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1995) – СПб., 1998. – С. 22–30.

Бурко Н.В. Названия глубоких оврагов в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1995) – СПб., 1998. – С. 11–22.

Бурко Н.В. Наименования значительных возвышенностей в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 2007). – СПб., 2007. – С. 101–105.

Бурко Н.В. Наименования небольших возвышенностей в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 2006) – СПб., 2006. – С. 262–268.

Васильев В.Л. Географические термины *бузгорок*, *бузвальчик*, *бутока*: ареал и этимология // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 1999) – СПб., 2002. – С. 204–208.

Лекарева Л.А. Из псковской ландшафтной лексики (названия низинных мест) // Русские народные говоры: Ярославль, 1997. – С. 73–75.

Попов И.А. Лексика природы как объект лингвогеографического изучения // Лексика и фразеология севернорусских говоров. – Вологда, 1980. – С. 12–20.

Программа сбора сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1. / Отв. ред. И.А. Попов. – СПб., 1994.

Словари

Чайкина – Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Топонимический словарь. – Архангельск, 1988.

Т.Н. Бунчук
Сыктывкар

ХОРОНИТЬ ПО-РЕПНОМУ: К ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕВЕРНОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

В русском говоре села Лойма Прилузского района Республики Коми было зафиксировано употребление устойчивого выражения *хоронить по-репному* со значением ‘временно помещать покойника, умершего неестественной смертью, в неглубокую яму, вырытую на территории дома’: *Ране утопленников да удавленников сразу не хороняли на кладбище, перва*

*в доме по-репному хоронят, в саднике. [Картотека СЛГ 2008]; Первой схоронили по-репному: ямку дома выкопали и тут только караулили еще недели две по очереди, ходили, кого назначают, ночь караулить. Это хоронить по-репному называлось: как репу, схоронят в ямку, а не заваливают, не заваливают. Потом его откараулят двенадцать дён, и его вымают и толды на кладбище везут. [Почему сразу не хоронили?] Потому что он убит. [Цит. по: Крашенинникова: 300]. Семантика данной фразеологической единицы отражает своеобразную обрядовую ситуацию похорон умерших неестественной смертью в культуре Русского Севера. Детальное описание этого обряда было сделано Ю.А. Крашенинниковой в статье «Похороны по-репному (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских)» [Крашенинникова]. В этой работе автор высказывает в том числе и свои соображения относительно семантики фразеологизма *хоронить по-репному*: «Обратим внимание <...> на символическую связь репы со смертью, потусторонним миром, средой маргиналов, имплицитно выраженную в обрядах и некоторых фольклорных жанрах. <...> Номинация <...> погребений «репными» может объясняться и в контексте семантики репы как <...> временного» [Крашенинникова: 306-307]. Автор, таким образом, делает акцент на общей символической связи репы как знака культуры со смертью и потусторонней действительностью, нашедшей отражение в структуре лексического значения данного словесного комплекса, добавляя, что не исключена и возможность отражения семантики «временного».*

Думается, однако, что семантической доминантой в лексическом значении данной фразеологической единицы является другой символический признак концепта «репа» в культурном пространстве Русского Севера. Этим признаком является **‘ненастоящее, предшествующее действительному / правильному с точки зрения традиционной нормы событие / явление / предмет’**. Об этом свидетельствуют комментарии самих носителей говора: *Откараулят, тогда его хоронят на место. По-репному хоронили дома <...>, потом перехоронили. Откараулят вот эти десять дней, толды везут уж отпевать <...>, потом уж везли на общее кладбище. Его всё сделают да и поставят, чтоб его потом вынять да и хоронить везти* [Цит. по: Крашенинникова: 301–302].

Действительно, в символическом поле Русского Севера концепт «репа» как один из знаков традиционной культуры обнаруживает признак **‘первый и потому еще ненастоящий, временный’**. Есть основания предполагать, что формирование данного признака связано с традиционным типом хозяйствования на Русском Севере: «Что касается репы, то возделывание ее на севере, быть может, древнее хлебопашества... В Олонецкой губернии до сих пор существует обычай, когда расчистят новую подсеку, сеять на ней прежде всего репу...; такие подсеки имеют

специальное название *репище*» [Сумцов: 14–15]; *Репеца чистили, расчищали землю от сорняков; сеют в первый год* (выделено нами – Т.Б.) *репу* [Картотека СРГРКСО: Усть-Цилемский р-н, д. Загрявочная 1984]; *Лес выжгут да репу насеют, репище это*. [Картотека СЛГ 1987]. В более позднее время традиция сеять репу в поле (до злаковых) трансформировалась в обычай сеять репу среди злаковых: *Мы засеяли жито и насадили в середку репы. Знаете, какая репа родилась!* [Кузнецова: 67]. В связи с этим можно вспомнить и известную сказку о «вершках и корешках», где мужик сначала сеял на поле репу, а только потом злаковые. Тем самым, репища в традиционной культуре Русского Севера предстают как одна из подготовительных стадий устройства хлебного (житного) поля: вырубка деревьев в лесу – корчевка пней – обработка новины огнем – «пробный» посев репы – посадка злаковых культур.

Такая последовательность в выращивании репы и злаковых находит выражение в отношении к репе (блюдам из репы) и хлебу: «ценность» репных блюд была ниже, чем хлеба и пирогов. Подобное отношение имплицитно обнаруживается в том числе и в значимости хлеба в общерусской культуре (ср.: *Хлеб всему голова*). Кроме того, в одной из локальных традиций Русского Севера зафиксирована поговорка-дразнилка, в которой на основе известного фольклору приема параллелизма понятий очевидно выражается эта мысль: *Репники не пироги, кузомляна не женихи* [Меркурьев: 13]. Блюдо из репы – это еще не «настоящая» еда, какой является хлеб, символ достатка и благополучия человека в народной культуре, символ самого человека (ср. использование хлеба в контексте севернорусских календарных обрядов и обрядов жизненного цикла). Репа, ассоциирующаяся с понятием «начало» (первое, а потому еще «не совсем настоящее», еще «недо», еще имеющее отношение к «хаосу, первородной массе»), выступает основанием для характеристики социальной незрелости жителей деревни Кузомень. Они обидно определяются как недолюди, не готовые быть женихами, то есть быть способными к браку, а значит, к полноценной человеческой жизни (ср. сходную по структуре и смыслу поговорку *Курица не птица, женщина не человек*). Подобная оценка культурной значимости растений отражена и в одной из загадок про репу: *«Зелено, да не озимь»* [Садовников: 123].

Символическое развитие признака ‘первое, еще ненастоящее’ находит выражение и в наименовании на Русском Севере первых младенческих зубов. Первые зубы у детей назывались *репными* (*репными*): «Выпавший зуб бросают в то место, где есть мыши с приговором: «На тебе, мышка, репной, дай мне костяной» [Ефименко: 200]; *Репной зуб унеси и костяной принеси* [Картотека СРГРКСО: Архангельская обл. д. Выемково 1987]; *Репные зубы – это первые зубы, ненастоящие, ненадёжные* [Картотека СЛГ 2008]. В таком наименовании зубов прослеживается параллель с

вышеприведенным типом крестьянского хозяйствования: сначала сеять репу, а потом злаковые (хлебные) растения. Подтверждением тому является тот факт, что коренные (уже настоящие) зубы на Русском Севере назывались *жерновыми* [Подвысоцкий: 57]. Известен также приговор, в котором отражена значимость и функция репных и жерновых зубов человека: «На, мышка, зуб *репяной*, дай мне костяной, тебе камень грызть, а мне хлеба исть» [ФА СыктГУ: Усть-Цилемское собрание 03114-13]. Выбрасывая *репяной* зуб мыши (в народных представлениях хтоническому, нечистому животному) под печь (*И кидаешь этот зубик плохой под печку*), которая в народном сознании мыслилась как пространство маргинального характера, локус, соединяющий «этот» и «тот» миры, человек символически возвращал первый, «ненастоящий» зуб, *некрещену косточку* [Садовников: 269], потусторонним силам, с которыми ассоциировалась репа. Таким образом, и человек, получив взамен *репного* (ненадежного, некрепкого) зуба *жерновой* (настоящий, крепкий, *костяной*), менял свой социальный статус – из младенца в отроки.

В таком контексте семантика выражения *хоронить по-репному* может быть интерпретирована как ‘временно хоронить не по-настоящему того, кто умер не по-настоящему’. О восприятии таких покойников – умерших неестественной смертью – в восточнославянской традиционной культуре в свое время исчерпывающе написал Д.К. Зеленин [Зеленин 1916]. Неожиданная, преждевременная смерть не является «логическим» завершением жизненного пути, и человек, умерший раньше срока, соответственно воспринимался в народной культуре как нарушивший, вольно или невольно, цепь постепенных преобразований от младенца к старцу, как не прошедший и не завершивший «жизни магический круг». Поэтому такая смерть символически интерпретировалась в народном сознании как ненастоящая (нарушающая естественную человеческую норму, нормальный ход событий) и потому опасная, а сами покойники – как угрожающие человеку существа, за которыми во избежание неприятных последствий нужно было обязательно наблюдать (*караулить*). Для восстановления естественного порядка необходимо было исполнить обряд, который должен был символизировать естественное завершение жизни человека. Таким обрядовым действием и являлись *похороны по-репному*. Жизнь умершего искусственно «продлевалась», он «проживал» вне земли, куда уходит после смерти все живое, вне могилы – дома мертвых или *родителей* ‘предков’ [Картотека СЛГ 1985] – определенное время, в течение которого он должен был символически «состариться» и стать одним из родителей. Местом, где должен был находиться покойный, было, во-первых, пространство дома, в Лойме *садник* ‘дровяник’, находящийся в *огороде*, т.е. за забором, границей своего, символически человеческого пространства; во-вторых, это могло быть место, не соприкасающееся с

землей: *Его [покойника] привезли домой, и он все до весны до самой в гробу на козлах под окошком виселся. Ну такие козлы, вот так крест-накрест поставлены два кола, потом на том конце и на другом, как на качелях. Потом эдак положен жердь, и этот гроб висится на веревках подвязанный.* <...>Целую зиму провиселся [Цит. по: Крашенинникова: 300]. Другим таким местом, где могли не «по-настоящему» похоронить покойника, стала *репная яма* ‘яма, вырытая в земле для хранения овощей летом’ [Картотека СЛГ 2008], т.е. место, не приспособленное, с одной стороны, для захоронения человека, а с другой стороны, не приспособленное для длительного хранения чего-либо, в частности овощей, вообще. Таким образом, знаково подчеркивалась временность такого захоронения, которое позже должно было завершиться «настоящими» похоронами с соответствующей подготовкой и помещением в могилу на кладбище, «правильном» месте усопших. В качестве дополнительного аргумента такой интерпретации и обрядового события, и, соответственно, семантики обрядового термина можно указать на отсутствие дифференциации в погребении покойников-самоубийц и преждевременно скончавшихся в результате несчастного случая. Это отмечает и Ю.А. Крашенинникова [Крашенинникова: 304], обращая внимание на то, что обряд *похорон по-репному* обусловлен, скорее всего, стремлением коллектива придать смерти одного из его членов характер «нормальной», естественной. Такая семиотическая трактовка имеет, безусловно, древнейшие, еще дохристианские корни. В этом случае обрядовые действия *хоронить по-репному* или *хоронить на кострах* (*костры* ‘вертикальная укладка жердей крест-накрест’ – [Картотека СЛГ 1987]) не выполняют очистительной функции, т.к. речь не идет о чистых и нечистых покойниках, а направлены на то, чтобы символически завершить жизненный путь человека в соответствии с традиционными представлениями о правильном устройстве мира.

Источники

Садовников – Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. – М., 1995.

Картотека СЛГ – Картотека Словаря Лоемского говора кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского госуниверситета.

Картотека СРГРКСО – Картотека Словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей кафедры русского и общего языкознания Сыктывкарского госуниверситета.

Меркурьев И.С. Пословицы и поговорки Поморья. – СПб., 1997.

Кузнецова – Памятники русского фольклора Водлозерья: Предания и былички / Изд. подгот. В.П. Кузнецова. – Петрозаводск, 1997.

ФА СыктГУ – Фольклорный Архив Сыктывкарского госуниверситета.

Литература

Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность // Труды этнографического отдела любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1878. – С. 144–254.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. – Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. – П., 1916.

Крашенинникова Ю.А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. № 10. 2009. – С. 299–310.

Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия. – СПб., 1885.

Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях. – Харьков, 1885.

*Н. С. Ганцовская
Кострома*

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОСТРОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА

(по следам наблюдений В.А. Никонова
над географией топонимов с суффиксом *-иха*)

В 1980 г. в сборнике «Лексика и фразеология севернорусских говоров», вышедшем в Вологде, была помещена статья В.А. Никонова «Белое пятно на карте», которая начиналась так: «При фараонах древнего Египта была важная должность “заведующий всем, что есть и чего нет”. Хорошо бы нашим ономастическим описаниям усвоить такое двуединство, а то они, перечисляя наличное на описываемой территории, не знают отсутствующего на ней, обильного рядом. Ничто нельзя признать охарактеризованным, если не выяснено, чего в нём нет по сравнению с находящимся вокруг вне его» [Никонов: 144]. Наблюдения великого ономаста становятся в полной мере понятными сейчас, на фоне достижений лингвогеографии и особенно ареалогии, когда некая единица определенной конфигурации в системе говора или языка, имеющая также определенные временные рамки, характеризуется как лингвистическими, так и внелингвистическими факторами, противопоставляется окружающим ареалам и рассматривается с точки зрения того, «что есть и чего нет» в ней. Здесь уместно вспомнить имена Р.И. Аванесова, М.А. Бородиной, А.С. Герда, А.И. Домашнева, В.М. Жирмунского, И.А. Попова, Н.И. Толстого и др., стимулировавших в отечественном языкознании ареальные исследования, и присоединить к ним имя В.А. Никонова.

В.А. Никонов рассматривает топонимию Северного Поволжья, насчитывающего несколько тысяч географических названий с *-иха*, и пишет